

Слёзы Турана -4: Рассказ дервиша

Category: Kitarcy, Taryhy proza

написано kitarcy | 24 января, 2025

Слёзы Турана -4: Рассказ дервиша РАССКАЗ ДЕРВИША

*«Взгляни на Мерв, на родники его,
На дом, на нивы, цветники его!
Подобно злату в дорогой оправе,
Как сад садов расцвел он в громкой славе.
(Ф. Гургани. «Вис и Рамин»).*

Одна из двух лошадей Ягмура пала в дороге. И все же через несколько дней, вместе с попутным караваном, молодой огуз добрался до стен могущественного Мерва. Караван пришел к городу поздней ночью. Кто-то постучал камнем в ворота, но грозный голос стражника предупредил:

– Собака или сын собаки! Ты хочешь, чтоб тебя заели вши в зиндане! Отойди от ворот. Клянусь, ты останешься без головы у стен священного Мерва!

После долгой перебранки, уговоров и подкупов запоздалых путников пропустили в город. Ягмур вскоре нашел себе пристанище. Свернувшись на куске кошмы у неяркого костра, над которым висел кумган погонщиков, Ягмур стал рассматривать караван-сарай. До слуха его донеслась песня:

*Быстрокрылой птицей стать бы мне,
взвиться, полететь бы как во сне!
и спуститься и моды напиться
из ручья в родимой стороне.*

Знакомая песня насторожила Ягмура и ему подумалось о лихой наезднице... Юноша приподнялся и прислушался.

Дервиш подул на угли, огонь взлетел выше. Полетели искры.

– Ты хочешь знать мастерицу, соткавшую из слов такой ковер? Слушай:

*В одной кибитке четыре двери,
у каждой двери три юных пери,
сидят девицы у дверей,
у каждой тридцать сыновей!..*

Вот сколько мне пришлось прожить, чтобы узнать ответ на твой вопрос.

– Почтеннейший, я знаю смысл игры этих слов: когда-то мастер Айтак говорил, обучая меня, что загадка делит год на четыре части... на месяцы и дни.

Дервиш отодвинулся от огня.

– Ты назвал имя старого уста... Айтাকা? Тропы каких страданий сблизили вас?

Ягмур насторожился.

– Печать преданности очень похвальна на лице воина, мой сын!.. Но пусть птица недоверия не садится на ветки твоей души, – продолжал дервиш. – Яловая корова... мычит, но никогда не телится для доносчиков султана.

– Мычащие... говорят на пальцах. А язык немых бывает многим понятен, – отозвался Ягмур.

– Не смейся, джигит, над другими, а то посмеются и над тобой, – упрекнул дервиш.

– Знай же, я скорее доверюсь мечу, рана от которого заживает, а не языку... Слово убивает.

– Тоже верно! Поэтому, не сосчитав, не говори слово «тысяча!»

– О, лукавый человек, увлекаая меня в словесную битву, ты утаил имя ковровщицы.

Дервиш помолчал, положил в рот былинку лука, кусочек сухой лепешки и долго жевал.

– Теперь я вижу, что доброе имя ювелира Айтাকা ты оберегаешь, как свое сердце. Мне хочется верить...

Ягмур протянул старику кинжал в серебряной оправе.

– О, сын мой! – прошептал старик. – Это как бы новая строчка из стихов о жизни славной Аджап. Да поможет аллах восходящей звезде Хорасана и наша молодая поэтесса засверкает алмазом в короне поэзии Турана. Что с тобой? Ты вздрогнул и побледнел, мой сын?

– Нет... Нет! Становится прохладно... А ты не ошибся, добрый человек, идущий из Мекки, восхваляя хорасан-ку словами, достойными придворного, поэта?..

– О, если ты знал Айтика, у тебя будет еще время убедиться в правде моих слов.

– Нет... Нет! Становится прохладно... А ты не ошибся, добрый человек, идущий из Мекки, восхваляя хорасан-ку словами, достойными придворного, поэта?..

– О, если ты знал Айтика, у тебя будет еще время убедиться в правде моих слов.

– Да, – вздохнул Ягмур, – птичий язык понятен птицам!..

– А ты слушай дальше, джигит. Айтика и я знал... Расскажешь еще про него – жалеть не будешь.

Ягмур молча достал из-за щеки кольцо и протянул дервишу.

Старик внимательно рассмотрел при свете огня письменные знаки на литом золоте и, протянув кольцо обратно, добавил:

– Теперь надо верить... и заботиться о тебе, джигит. – Дервиш еще больше понизил голос. – Всегда помни: бойся человека с лицом, испорченным оспой...

– Да ниспошет Аллах счастье и радость! – услышал Ягмур старческий голос.

Рядом стоял худой, сгорбленный человек в рубище. Два больших сизых рубца пересекали его черное от загара и грязи лицо. В руках – гладкий посох из крепкого дерева. На голове красовался острый колпак дервиша с белой повязкой. Старик тяжело опустился на землю возле костра, достал из сумы кусок лепешки, зеленый лук, горсть сушеного винограда и кожаную пиалу.

– Сын мой, – обратился он к юноше, – если глаза мои еще видят и я не ошибся, то ты приехал из страны, которая не так уж близка? И радости, видно, не частые гости в твоём доме. Раздели, юноша, этот ужин со мной. Уважь старика.

Ягмур пододвинулся к костру. Кто-то подбросил сухого навоза и пламя заплясало ярче.

Огромный двор караван-сарая окружала высокая глинобитная стена. По сторонам расположены конюшни, привязи и стоянки для верблюдов. В отсветах костра араб в черном полосатом халате укладывал на колени одногорбого верблюда. Чуть подальше –

нубиец пересчитывал вьюки. В низких мазанках караван-сарая вспыхивали светильники, а у лестницы горели факелы. Посреди двора, в больших медных котлах готовилась еда для гостей. Хозяин, высокий бородатый турк, расхаживая между котлами, придерживал вислый живот.

– Воздадим всевышнему за пищу! – прогнусавил дервиш.

– Благодарю, почтеннейший, – ответил Ягмур. – Но мне не до ужина!..

– Мир и благоденствие! – вдруг услышал Ягмур льстивое приветствие.

– Инш аллах! – ответил дервиш, чавкая беззубым ртом.

– Почтенный Абу-Муслим! – обратился подошедший к старику. – Люди нашего костра просят тебя рассказать им: правда ли, что священный Мерв когда-то назывался столицей мира? И если это правда, да благословит аллах твой священный ум... Разрешите нам присесть к огню, обогревающему ваше достойное тело!..

Из темноты выступили четверо дайхан, и прижимая руки к груди, губам и лбу, склонив головы в знак признательности и уважения, подсели к костру.

Дервиш отхлебнул из покривившейся кожаной пиалы, поблагодарил аллаха за пищу и ответил:

– Есть много сказаний о великой и нерушимой опоре правоверных, о звезде Турина – Мерве. Да оградит его аллах на тысячу лет от войн и страданий! Говорят, что место для него указал своим посохом сам пророк. Другие утверждают, что волею аллаха здесь поселились гурии, которых привез с собой Искандер-великий, в честь которых он и велел заложить город. Третьи говорят, что город строил мастер Тахамурат, чьи руки возводили стены великого Вавилона.

– Скажи, уважаемый, – спросил один из пришельцев, – правда ли, что глина для стен нашей столицы замешана на людской крови и скреплена костями?

Дервиш на минуту умолк.

– Эй, люди, кто разрешил этим шелудивым ослам развести огонь там, где он гореть не должен? Или я зря плачу вам деньги? А ну, пошли вон! – и головешки костра разлетелись в стороны, ярко освещая заросшее лицо хозяина караван-сарая.

Увидев у костра дервиша, хозяин начал выгонять его за ворота:
– Кто опирается на кривую палку, сам становится кривым. Познал ли ты высокую истину в святых местах? Или снова будешь мутить сельджукидов?

Дервиш приподнялся.

– Не перекидывайся камнями со слепым, добрый хозяин.

– Эй, выбросьте эту собаку со двора!

Рослые рабы цепко схватили старика за полы халата и поволокли. В тот же миг раздался громкий молодой голос:

– Да будет мир и счастье всякому, кто войдет в этот дом!..

В воздухе просвистела плеть и, опоясанный витым ремнем, один из рабов метнулся от дервиша. Разъяренный хозяин караван-сарая выхватил нож и бросился к незнакомому всаднику. Рабы грозили корявыми саксаулинами.

И только тут в хозяине караван-сарая Ягмур узнал стражника, зверски избившего тогда палкой мастера Айтাকা.

На крик выбежали слуги и сторожа. Вооружившись кто чем, они окружили храбреца на коне, стараясь переломать ноги вороному жеребцу.

– Чепни!..

– Чепни! – неслось изо всех уголков караван-сарая.

– Эй, храбрый огуз-богатур, покажи этим собакам, как надо жемчуг носить!..

– Держись, бек-джигит!

И все же одному всаднику приходилось трудно против озлобленной оравы. Плеть свистела, обжигая хозяйских слуг. Но конь вдруг споткнулся и захромал на переднюю ногу.

– Держись, Чепни, покажи, на что способны отважные огузы!

Слуги, подбадриваемые хозяином, все плотнее обступали храбреца. Хозяин, почесывая на щеке волдырь от плети, пытался ударить ножом жеребца между задних ног. Широкое изогнутое лезвие мелькнуло в свете костра, но вдруг упало на землю. Ягмур, желая отомстить за мастера Айтাকা, со всего размаха опустил на бритую голову железный кулак. Что-то хрустнуло... Жеребец Ягмура рванулся через костер и остановился рядом с конем воинственного всадника. Сильные крутые груди коней разорвали кольцо нападающих и две хлесткие плети обрушились на

голова слуг.

Добравшись до хозяина караван-сарая, Ягмур принялся стегать его нагайкой, вкладывая всю силу руки и тела.

– За мастера Айтика! За дервиша! – приговаривал Ягмур.

Плеть свистела, в клочья разрывая богатую одежду толстяка.

– К воротам! Торопись к воротам! – вдруг услышал Ягмур голос молодого всадника. И только тут Ягмур заметил, как двое слуг спешат закрыть выход со двора. Подняв вороного на задние ноги, Ягмур повернул его и помчался вслед за Чепни. У деревянных ворот, обитых полосками железа, он догнал трясущихся лизоблюдов и снова обрушил плеть на их плечи.

– Торопись, джигит! – услышал он призывающий голос. – Скорей! Ягмур подскакал к Чепни, вместе они вырвались со двора и скрылись в пустыне.

За барханной грядой иноходец вдруг остановился: обломок саксаула сорвал у колена кожу до кости. Всадники спрыгнули на песок. Нажгли пепла, засыпали рану, обмотав ногу коня куском шелкового халата, который нашли в переметной сумке Чепни.

Оглядевшись по сторонам, развели костер. На огонь сползлась разная тварь. Проковылял тарантул, показалась фаланга. У обглоданной кости баранины, которую извлек из торбы Чепни, поднял свой страшный хвост скорпион. Чепни прижег его горячей веткой саксаула и опоясал костер волосяным арканом. Как говорили чабаны: фаланги и скорпионы кололись о волоски крученой шерсти и не переползали ее границу.

– По законам песков – гость выше отца, – первым нарушил молчание Чепни. – Но мое сердце торопится узнать, с кем я породнился, избивая жирных собак. Вижу, что мы одной крови – огузы. Но почему барс пустыни в византийских сандалиях?

Ягмур молча протянул кольцо мастера Айтика.

– Где ты взял это? – воскликнул от неожиданности рослый и стройный Чепни.

– Мастер дал, когда бежали из плена. Старик погиб, спасая меня!..

Вернув кольцо, Чепни сказал:

– Тогда ты должен знать, за кого мстила твоя плеть!

Ягмур ближе пододвинулся к ночному гостю.

– Будь осторожен, джигит!

– Нет, ничто не заставит меня раскаяться в поступке: в хозяине караван-сарая я узнал одного из стражников, от палки которого умер Айтак, – ответил Ягмур.

– Кровь огуза кипит в тебе! – с гордостью сказал ночной гость. – Но будь осторожен, собаки султана обнюхивают наш след.

– Джигит, ты пообещал рассказать о том страннике из дальней Мекки.

Потянуло прохладой. Пустыня остывала от дневной жары и легкий ветерок волнисто побегал по прибрежным тугаям. Испуганно шарахнулась стая уток. Завизжали дикие кабаны. Хохотнула гиена, вспугнув сову. Как выпущенный из пращи камень, проносилась над каналом летучая мышь.

– Понял ли ты, джигит, пустыню? – спросил спутник Ягмура.

– Начинаю многое понимать... В цель попадает прямая стрела. А в мое сердце, после того, как конь вступил на землю Турана, летят все больше стрелы кривые, с колючим оперением. Капкан за капканом ставит мне судьба!..

– Даже при свете солнца?.. О, тогда бойся ночного света.

– Пока меч в моих руках, бек-джигит!..

– Знай же, что хозяин караван-сарая предан тем, кто угнал мастера Айтака в рабство и погубил доносом... Знай и другое: Абу-Муслим и мастер Айтак – люди той печальной песни султанского дворца, в которой... тощий пес жирному зад лижет.

– Но мастер Айтак с достоинством говорил о роде великих сельджукидов.

– Добрый Айтак не знал всей черной истины. Хромой горбун его черный ангел.

– Горбун! Да пронзит его аллах молнией от головы до пят! – и рука молодого воина рванулась к мечу.

– Послушай, я тороплюсь. Белая кобылица уже машет хвостом на восходе...

– А далек ли твой путь?

– О, в двух словах про это не скажешь. Несколько племен огузов отказались платить султану налог кровью. Ведь каждому роду нужны храбрые воины. Тогда хитрый эмир Кумач так подстроил

донос султану султанов, что тот срочно выслал два отряда джигитов в мои стойбища. Надо спешить.

– Как же так: огузы родственники султана!..

– Кулачный бой не всегда ведут честно. Иногда в кулаке прячут камень. Мне кажется, что камнем между Санд-жаром и огузами лежит эмир Кумач, близкий султана Санджара.

– Но мне говорили, что султан отрубил голову сборщику налогов.

– Уставшему коню даже свой хвост – груз! Иной ночной сторож стучит не для того, чтобы слышали купцы, а для того, чтобы слышали воры. Такой же зов и влечет меня в дальние стойбища огузов, где пыль отрядов Санджара уже оседает на обнаженные головы сиротеющих матерей. Я уже слышу клекот орлов, восхваляющих огузов-богатырей!.. Поедем со мной, воин! Я посчитаю за великую честь поставить в бою рядом с собой такого смельчака.

– Вдове снится муж, воину – битва. Сердце Ягмура, джигит, давно в твоём хурджуне, но я дал клятву мастеру Айтаку, выполнить которую – моя судьба.

– Отдай еду голодному, а дочь – влюбленному. Да будет так!

– На все воля Аллаха, – отозвался Ягмур.

– Так-то оно так, но вот послушай!..

Продолжение следует >> Taryhu proza